

Россия – Франция: возможен ли консервативный союз?

Вот, ты кличешь: «Где сестра Россия,
Где она, любимая всегда?».
Посмотри наверх: в созвездьи Змия
Загорелась новая звезда.

Так писал в 1918 году великий русский поэт Николай Степанович Гумилев в пронзительном стихотворении «Франция», глубоко переживая бесславный конец франко-русского союза 1891–1917 годов, который многими русскими франкофилами воспринимался как предательство захваченной большевиками Россией ее «возлюбленной сестры» на Западе. И, надо сказать, у русских франкофилов были все основания винить Россию в тяжком грехе предательства: как известно, большевики заключили с Германией сепаратный Брестский мир, что позволило немцам продвинуться почти до самого Парижа.

Отношения между двумя странами – Россией и Францией – всегда были похожи на движения маятника. История российско-французских отношений знала как периоды острой вражды (война 1812 года, Крымская война 1853–1855 годов), так и периоды весьма тесного сближения, и цивилизационно-культурного (вторая половина XVIII века – 1812 год), и военно-политического (франко-русский союз 1891–1917 годов). Галломания русских аристократов после вторжения Наполеона уступила место преклонению перед британскими «просвещенными мореплавателями», но вновь ожила в веселом декадансе Серебряного века, когда русские поэты, художники и музыканты видели в Париже своего рода духовную Мекку.

Отношения между Францией и Советским Союзом, по понятным причинам, не могли быть такими же сердечными, как во времена Российской Империи, но взаимное притяжение двух стран ощущалось и в этот период. Достаточно сослаться на франко-советский пакт о взаимопомощи 1935 года, документ, значение которого в историографии явно недооценено. Принято считать, что история не знает сослагательного наклонения, но нетрудно представить себе, как изменилась бы история Европы, если бы не саботаж англичан на военных переговорах в Москве в 1939 году¹. Безусловный интерес представляет тот

¹ 17 и 20 августа 1939 года глава французской военной миссии генерал Думенк сообщал из Москвы в Париж: «Не подлежит сомнению, что СССР желает заключить военный пакт и не хочет, чтобы мы превращали этот пакт в пустую бумажку, не имеющую конкретного значения. [...] Провал переговоров неизбежен, если Польша не изменит позицию». Под давлением Лондона Польша не изменила свою позицию, что и привело в итоге к событиям сентября 1939 года.

Бенедиктов Кирилл Станиславович, главный редактор портала «Русская idea», писатель, политолог. E-mail: redviper7@yandex.ru

факт, что наиболее дальновидные французские политики подчеркивали необходимость франко-советского союза задолго до подписания этого пакта. Например, искренний русофил Эдуард Эррио вспоминал о событиях 1935 года: *«Итак, я изучаю карту. Я вижу на ней только одну страну, которая была бы для нас необходимым противовесом и могла бы создать в случае войны второй фронт. Это Советский Союз. Я говорю и пишу об этом уже с 1922 года [выделено мною. – К.Б.]. На меня смотрят, как на коммуниста или безумца. Даже царь при всем своем деспотизме пошел некогда на союз с республикой. Неужели наша буржуазия, наша печать окажутся менее умными? Что касается меня, я не изменю своих убеждений. По моему мнению, это диктует сама логика развития и даже просто здравый смысл. 4 апреля 1935 года под впечатлением дурных вестей из Германии я нанес визит послу Потемкину и обсудил с ним условия франко-русского соглашения...»* [2].

Можно, наконец, вспомнить знаменитые слова генерала де Голля о Европе «от Атлантики до Урала», напугавшие Хрущева в год Карибского кризиса, но позже охотно цитировавшиеся адептами конвергенции и нового мышления¹. Они были не просто красивой метафорой, данью цветистому галльскому красноречию, но продолжением интеллектуальной традиции, представленной, в частности, такими выдающимися личностями, как Пьер Паскаль и Пьер Шоню, – традиции, которая, как показывают события последних лет, жива во Франции до сих пор.

Последним на данный момент периодом сближения Москвы и Парижа – увы, весьма кратким – следует считать 2003 год, когда обе страны сблизилась на почве противостояния военному вторжению США и их союзников в Ирак. Едва не сложившаяся ось Париж – Берлин – Москва заставила Кондолизу Райс произнести в июне того года сакраментальное: *«Мы должны наказать Францию, проигнорировать Германию и простить Россию»*. В общем и целом неплохие отношения между Россией и Францией сохранялись до конца президентства Жака Ширака², но уже с приходом к власти Николя Саркози становится очевидным разворот Пятой республики в сторону Вашингтона (а также явное потепление между Парижем и Варшавой, к которой Ширак не питал особенной симпатии как к верному вассалу Вашингтона в Европе).

Тем не менее очевидно, что Франция – одна из двух стран Западной Европы, с которыми Россия может образовывать стратегические союзы; вторая – это, разумеется, Германия. В 2013 – начале 2014 года часть экспертного сообщества в России была практически уверена в том, что союз Берлина и Москвы (где Германия будет поставщиком технологий и управленческих моделей, а Россия – поставщиком ресурсов и рабочей силы) настолько выгоден обеим странам, что не может не стать реальностью. События на киевском Майдане и последовавшие военные действия в Новороссии похоронили этот амбициозный проект, так как стало ясно, что Германия не готова идти на союз с Россией против воли своих старших партнеров по НАТО.

Но дело, разумеется, было не только в недоброй воле Вашингтона. Достаточно очевидно, что без общей ценностной платформы – именно ценностной, а не идеологической – создание по-настоящему крепкого союза между Рос-

¹ Хрущев был возмущен высказываниями де Голля насчет создания какой-то «Европы от Атлантики до Урала». Советским дипломатам было дано указание срочно выяснить у французов, что имеет в виду их президент, выступая с такими идеями, и не помышляет ли он расчленивать Советский Союз. Был подготовлен срочный запрос, ответ на который шокировал Хрущева. На встрече с советским послом С.А. Виноградовым Шарль де Голль сказал: «Придет время, когда мы будем строить Европу вместе с Советским Союзом».

² Который неоднократно говорил о «привилегированном партнерстве» между Россией и Францией.

сией и ведущей европейской страной невозможно, без нее такой союз будет в лучшем случае ситуативным, тактическим, а не стратегическим. С Германией у России таких общих ценностей нет, или почти нет. С Францией же история другая. Именно между Россией и Францией возникло идеологическое притяжение, основанное на разделяемых значительной частью общества консервативных ценностях.

По мнению крупного специалиста по франко-российским отношениям Тома Гомара, «во Франции можно выделить шесть основных подходов к интерпретации российской политики. Три из них роднит между собой строгая критика режима: это защитники «прав человека», обеспокоенные нарушением общественных свобод, хулители «великорусской идеи», которых тревожат даже слабые проявления русского национализма, и эксперты в области распространения ядерного оружия... Напротив, три других подхода подчеркивают позитивную стабилизацию России. Ссылаясь на баланс мировых держав, первые видят Россию как «великую страну» и «стратегического партнера». Для вторых Россия – огромный рынок с мощным потенциалом роста. Третьи видят в Путине последнего защитника русских интересов, который проводит политику национальной независимости – что-то вроде голлизма по-русски» [3].

Более того: не будет преувеличением сказать, что часть французского политического класса с надеждой смотрит на Россию как на хранительницу и защитницу традиционных европейских ценностей, павших под натиском глобализации и насаждаемой повсюду агрессивной цивилизационной англосаксонской модели. Разумеется, говоря о части французского политического класса, мы по умолчанию имеем в виду и значительную часть французского общества, поскольку в состав этой группы симпатизантов России входят как интеллектуалы, формирующие повестку дня и влияющие на общественное мнение, так и политические активисты, мобилизующие электорат. Среди таких лидеров часто выделяют, например, лидера партии «Национальный фронт» Марин Ле Пен.

На примере «Национального фронта» мы видим, как знаки возвращения современной России к своим историческим корням и традициям (такие, как возрождение Русской Православной церкви, законодательное запрещение пропаганды гомосексуальных отношений, и т.д.) воспринимаются французскими «истинными правыми»¹ как символы титанической борьбы между пост- и антихристианской цивилизацией англосаксонского глобализма и живой европейской традицией, опирающейся на общий для Франции и России христианский фундамент, но также как сигналы к возможному идеологическому сближению двух стран².

Вряд ли можно с уверенностью предсказать сейчас, чем завершится предвыборная борьба и президентская кампания 2017 года, – ясно только, что она обещает быть крайне жесткой и напряженной. Очевидно, что либерально-демократический мейнстрим Западной Европы, находящийся в тесной зависимости от США, не согласится на приход к власти в одной из ведущих стран ЕС сильного лидера, опирающегося на традиционалистскую, консервативную

¹ О разделении консерваторов Запада на «истинных (true)» и «консерваторов только по имени» см.: [1].

² Весьма показательна характеристика, данная политическому вектору НФ вице-президентом партии и гражданским мужем Марин Ле Пен Луи Альо: «Путин ставит на первое место стратегические интересы России, точно так же, как мы – стратегические интересы Франции. Это нас объединяет. Мы также полагаем, что Франции выгодно поддерживать сбалансированные отношения с Россией, США, Китаем, а не лебезить по любому случаю перед Америкой. С этой точки зрения можно даже сказать, что мы голлисты» (интервью Луи Альо польской газете «Rzeczpospolita», 25.03.2014. URL: <http://www.rp.pl/arttykul/29,1095669-Putin-bohaterem-Frontu-Le-Pena.html?p=1>).

партию, к тому же пророссийской ориентации. С другой стороны, не менее очевидно, что Марин Ле Пен трезво оценивает политическую конъюнктуру. Стоит предположить, что, готовясь к борьбе за президентское кресло, Марин Ле Пен заключила (и будет заключать) тактические, а возможно, и стратегические, союзы с влиятельными лоббистскими группами, от позиции которых в конечном счете и зависит исход президентской гонки.

Марин Ле Пен – хладнокровный и расчетливый политик, не останавливающийся перед трудными решениями и ставящий собственные политические интересы выше своих же личных. Ее разрыв с отцом, который в определенный момент превратился в угрозу для политической репутации обновленного «Национального фронта», красноречиво об этом свидетельствует. Следует также иметь в виду, что, пытаясь найти поддержку в определенных кругах либеральных французских элит, Марин значительно смягчила свою риторику в отношении гомосексуальных союзов.

Возникает вопрос: не отречется ли Марин Ле Пен от своих симпатий к России в случае, если ей удастся выиграть гонку за президентское кресло? Очевидно, что на нее будет оказано беспрецедентное давление не только со стороны структур ЕС, но и со стороны США, которые после ухода де Голля – спровоцированного, по мнению некоторых французских консерваторов, Вашингтоном – имеют определяющее влияние на французскую политику.

Хотя сейчас Марин Ле Пен уверенно заявляет, что, став президентом, не подпадет под влияние США, она сама признает, что для этого придется «заменить существующие французские элиты одной кандидатурой, которая будет являться кандидатурой французского народа»¹. Прекрасный лозунг для предвыборной кампании, однако совершенно ясно, что в реальности от «существующих французских элит» главе государства, даже при опоре на мощную народную поддержку, никуда не деться.

Представляется, однако, что пророссийские симпатии Марин Ле Пен, хотя и могут быть скорректированы с учетом конкретных политических реалий, не будут забыты в случае ее избрания президентом Республики. Причина проста: популярность НФ и лично Марин Ле Пен базируется на определенном ценностном фундаменте, и размывание этого фундамента возможно лишь в определенных рамках. Поддержка России как бастиона традиционных ценностей, как консервативного государства, противостоящего безликой глобализации, является не конъюнктурным, а системообразующим элементом идеологии НФ.

Сама по себе победа Марин Ле Пен (которая, следует подчеркнуть, во все не predetermined, – в настоящий момент, согласно опросам, она уступает Николя Саркози) еще не возвещает начало нового франко-российского союза, хотя, безусловно, и повышает вероятность его возникновения. С другой стороны, если такой союз возможен (а весь исторический опыт взаимоотношений двух стран показывает, что это так), непременным условием для его заключения является наличие во Франции мощной политической силы, разделяющей с Россией консервативные, традиционные ценности (как секулярные, так и религиозные).

В ситуации, когда общественное мнение Запада в целом настроено резко антироссийски, когда для ключевых групп мировых политических элит русофобия той или иной степени является своего рода знаком принадлежности к клубу «серьезных политиков», сделать шаг навстречу изолированной усилиями США

¹ Марин Ле Пен. «Россию атакуют, потому что она является альтернативой американской модели глобального порядка». Интервью сайту «Русская idea» // Русская idea. 2015. 10 марта. URL: <http://politconservatism.ru/forecasts/rossiyu-atakuyut-potomu-chto-ona-yavlyaetsya-alternativoy-amerikanskoj-modeli-globalnogo-poryadka/>

и ЕС Москве может решиться только лидер не входящей в мейнстрим политической партии. В этом смысле у Марин Ле Пен нет конкурентов. Вопрос лишь в том, как далеко она готова зайти в защите тех ценностей, которые и делают сейчас ее партию «маргинальной» и «экстремистской» в глазах либерально-демократических элит современного Запада.

Литература

1. Бенедиктов К.С., Куркин Н.А., Межуев Б.В. Современный консерватизм на Западе // Тетради по консерватизму. 2014. № 2. Ч. 2. С. 19–66.
2. Эррио, Эдуард. Из прошлого: Между двумя войнами. 1914–1936. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.
3. Gomart, Thomas. La politique russe de la France: fin de cycle? // Politique étrangère, 2007/1.

Аннотация. В статье рассматриваются исторические предпосылки и системообразующие факторы российско-французского союза. Исходя из посылки, что Франция – это одна из двух стран Западной Европы, с которой Россия может образовывать стратегические союзы (вторая – Германия), автор показывает, что без общей ценностной платформы создание эффективного союза между Россией и ведущей европейской державой невозможно, без нее такой союз будет в лучшем случае тактическим, а не стратегическим. С Германией, как показывает опыт, таких общих ценностей у России нет или почти нет. В то же время, между Россией и Францией в последние годы явно возникло идеологическое притяжение, основанное на разделяемых значительной частью общества консервативных ценностях.

В настоящее время среди части французского политического класса популярен взгляд на Россию как на хранительницу и защитницу традиционных европейских ценностей, павших под натиском глобализации и насаждаемой повсюду агрессивной цивилизационной англосаксонской модели. Среди этих симпатизантов России есть и интеллектуалы, формирующие повестку дня и влияющие на общественное мнение, и политические активисты, мобилизующие электорат. Среди таких лидеров выделяется президент партии «Национальный фронт» Марин Ле Пен, являющаяся сейчас наиболее расположенным к России европейским политиком.

На примере Национального фронта и его лидера можно наблюдать, как знаки возвращения современной России к своим историческим корням (возрождение Русской Православной церкви, законодательное запрещение пропаганды гомосексуальных отношений и т.п.) воспринимаются французскими консерваторами как символы титанической борьбы между пост- и антихристианской цивилизацией англосаксонского глобализма и живой европейской традицией, опирающейся на общий для Франции и России христианский фундамент, но также как сигналы к возможному идеологическому сближению двух стран.

Ключевые слова: Франция, Россия, союз, ценности, консерватизм, Национальный фронт, Марин Ле Пен.

Kirill Benediktov, Editor-in-Chief, The Russian Idea (politconservatism.ru), Writer, Political Analyst. E-mail: redviper7@yandex.ru

Russia–France: Possible Conservative Alliance?

Abstract. The article studies the possible Russian-French alliance retrospectively and analyses its fundamental features. The main assumption is that France is one of the two Western European countries that could build a strategic alliance with Russia, with Germany being the other one. Starting from it, the author shows that only shared values could provide a solid foundation for an effective alliance. Otherwise the alliance between Russia and the leading

European country would be at best tactical, rather than strategic. While there are few, if any, shared values with Germany following the forced transformation of the German cultural code in the wake of the WWII, relations with France have evolved differently. With conservative values shared by most Russians and Frenchmen, the ideological proximity brings the two countries closer.

Nowadays some French politicians regard Russia as a guardian and a stronghold of traditional European values that have fallen prey to globalization and are ousted by the aggressive Anglo-Saxon civilization and its model. The sympathizers include intellectuals that form the political agenda and shape public opinion. Others are political activists, mobilizing the electorate. Marine Le Pen, the president of the French National Front, is the most favorably disposed towards Russia among European politicians.

The examples of the National Front and its leader reveal the attitude of French conservatives towards Russia. As seen from France, Russia is returning to its roots, so French conservatives regard the resurgence of the Russian Orthodox Church, the formal LGBT propaganda ban and other events as the signs of a titanic battle between the living European Christian tradition endorsed by both France and Russia and the post-Christian and anti-Christian world based on the Anglo-Saxon globalization concept. They also interpret them as signals for possible ideological rapprochement.

Keywords: France, Russia, Alliance, Values, Conservatism, National Front, Marine Le Pen.

М.В. Ремизов. Нынешняя эволюция UMP, партии, которую снова возглавляет Саркози, связана не в последнюю очередь с тем, что сейчас за российское направление в окружении Саркози негласно отвечает друг России, о котором сегодня уже шла речь, бывший депутат, исследователь Иван Бло. В целом же относительно возможного сдвига фран-

цузской политики в консервативную сторону – естественно, во многие вещи сложно поверить, легче оставаться скептиком. Но по общению с французскими коллегами возникает ощущение, что по крайней мере границы возможного в европейской политике и во французской в частности расширяются, существенно расширяются.